

конструирующие жизнь приходов. Так, французская исследовательница Кати Русселе в своей главе «Об отношениях между священниками и мирянами: послушание и благословение» исследует интерпретации понятий (и стоящих за ними практик) «послушание» и «благословение», их роль в жизни прихожан и даже устройстве прихода. Эти два понятия являются ключевыми для характеристики системы церковного авторитета, всего типа отношений внутри Церкви. Автор приходит к выводу, что эти практики можно отнести к формам социальных связей, которые Лоран Тевено называл «грамматикой общего через близкое»: «давая благословение и налагая послушание, священник позволяет человеку стать частью общины, сообщества, будь то храм, приход или вся Церковь, которые суть те общие места, о которых говорит Тевено» (с. 314). Эти установки, доминирующие в Церкви, можно противопоставить опыту «либеральной грамматики», предполагающей «согласование взаимных уступок».

Не буду специально останавливаться на других главах книги. Стоит лишь кратко упомянуть интересный анализ Борисом Кнорре психологических типов внутри церковной субкультуры; парадоксальный вывод Ивана Забаева о господствующем в русском православии «сакральном индивидуализме»; необычный случай самоорганизации приходской общины в Тюмени в отсутствие священника в тексте Романа Поплавского и другие главы. В целом, книга представляет собой одну из первых попыток изучения современного русского православия не на уровне официальных документов и заявлений руководства РПЦ, а на «корневом» уровне, уровне общин и приходов, и такой подход погружает нас в реальные процессы, протекающие в Церкви. Остается только сожалеть, что вполне академическое, но слишком уж нейтральное название сборника вряд ли способно привлечь потенциально заинтересованных читателей.

Л. Жукова

Bellah R. N. Religion in Human Evolution. Cambridge (Mass.), London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. — 746 p.

«Религия в человеческой эволюции» — *opus magnum* известного американского социолога Роберта Беллы, книга, кото-

рая, в общем и целом, подводит итог его многолетним исследованиям. Соответственно, и цель, которую ставит перед собой ав-

тор, более чем амбициозна: Белла хочет обнаружить и зафиксировать рождение и развитие религии на фоне биологической и культурной эволюции человека и в непосредственной связи с ней (рассматривая при этом колоссальный по протяженности период — от Большого Взрыва до «осевого времени»). Но и это еще не все. В конечном счете, исследование, предпринимаемое Беллой, должно привести к пониманию того, как «религия создает иные миры и как эти миры взаимодействуют с миром обыденной жизни»⁶. Очевидно, что в короткой рецензии дать оценку грандиозной работе, проделанной автором, решительно невозможно. Труд Беллы, несомненно, заслуживает глубокого и детального изучения (и я совершенно уверен, что в обозримом будущем такие исследования обязательно появятся).

Тем не менее, возьму на себя смелость высказать некоторые самые общие соображения об этой — во всех отношениях примечательной — книге. Начать надо, вероятно, с того, что Белла — эволюционист, но его эволюционизм совсем другого типа, нежели тот, приверженцами которого являются воинствующие атеисты типа Докинза или Хитченса. Если последние считают

религию недоразумением, неким сбоем в эволюционном процессе, который необходимо устранить, то для Беллы религия, наоборот, является *естественным* следствием биологической эволюции человека, а потому не может быть от нее отделена.

Биологическая история человеческого вида (т.е. эволюция) является частью человеческой истории (поэтому, кстати, Белла считает неверной идею о том, что метод биологии как *естественной* науки должен принципиально отличаться от метода антропологических дисциплин). Эволюция — это сложный процесс, и в нем присутствует определенный смысл (здесь Белла в очередной раз подчеркивает свое расхождение с Докинзом в понимании эволюции); более того, можно сказать, что эволюционируют именно смысл и намерение (*meaning and purpose*). Конечно, это не следует понимать в духе креационистской телеологии того или иного типа: Белла имеет в виду, что эволюция — это развитие и реализация определенных возможностей (*capacities*), в том числе и культурных; человечество является не только объектом, но и субъектом эволюции. В этом контексте религии — тоже своего рода реализации возможностей, и именно как таковые они могут быть встроены в эволюционный порядок.

6. Bellah R. N. Religion in Human Evolution. Cambridge (Mass.), L., 2011. P. xvii.

Но в чем тогда заключается сущность религии? И как религия эволюционирует? Отвечая на эти вопросы, Белла обращается к культурологическим концепциям Клиффорда Гирца и Мерлина Дональда. Что касается определения религии, то он, вслед за Гирцем, склонен понимать ее как символическую систему: «Религия — система символов, которая, когда она признается человеческими существами, устанавливает мощные, долговременные и всеобъемлющие настроения и мотивации, которые производят смысл в терминах идеи общего порядка существования»⁷. Эта «смыслосозидающая» функция религии крайне важна для Беллы: религия социологически интересна не потому, что она описывает социальный порядок, но потому, что она сама создает его.

Эволюцию так понимаемой религии Белла пытается представить в контексте схемы Мерлина Дональда, который рассматривал три стадии развития человеческой культуры: миметическую, мифическую и теоретическую. Эволюционный процесс начинается с т. н. «эпизодической культуры» (по сути, «протокультуры», которая обща для человека и высших животных и никоим образом не является символической системой). Затем (ок. 2 млн. лет тому назад), с появлением вида «*homo*

erectus», человечество вступает в эпоху «миметической культуры», в рамках которой создаются долингвистические символические традиции (танец, ритуал, ремесло). Затем (250–100 тыс. лет тому назад) возникает язык, который делает возможным сложный нарратив; так появляется «мифическая культура», которая не столько замещает «миметическую», сколько сращивается с ней. Наконец, в 1 тыс. до н. э., в эпоху т. н. «осевого времени», появляется «теоретическая культура», которая претендует на то, чтобы устранить две предшествующие (отсюда «деритуализация» и «демифологизация» вкупе с «рационализацией»), однако, в конечном счете, не уничтожает их полностью.

Религия эволюционирует по этой же общей схеме (таким образом, что «мифологической» стадии культуры соответствует племенная религия, а «теоретической» стадии соответствует, например, буддизм с его «рационалистическим» подходом). При этом Белла подчеркивает, что «религиозная эволюция не подразумевает прогресс от плохого к лучшему. Мы не движемся от „примитивной религии“, характерной для первобытного племени, к „высшим религиям“, которые имеются у людей вроде нас... Религиозная эволюция добавляет новые возможности (*capacities*), но не говорит

7. Ibid. P. xiv.

нам ничего о том, как их надлежит использовать»⁸.

Безусловно, по большей части Белла весьма убедителен, а его аргументация кажется безупречной. Однако временами возникают кое-какие вопросы. Например, говоря о «практических целях» своей книги, Белла пишет: «как некоторые из нас знают (и должны знать все), в данный момент мы находимся в самой середине „великого шестого вымирания видов“... наш уровень адаптации возрос настолько, что нам трудно адаптироваться к нашим адаптациям»⁹. Таким образом, Белла уверен, что катастрофа, результатом которой станет гибель человечества и большинства видов живых существ, не только неизбежна, но уже началась. Конечно, современное антропогенное давление на окружающую среду кажется беспрецедентным, но между давлением и апокалипсисом (термин, употребляемый самим Беллой) все-таки имеется существенная разница, а потому хотелось бы увидеть какие-то более убедительные доказательства наличия биологической катастрофы, нежели просто отсылка к тому, что «так уже было, причем пять раз».

Кроме того, некоторое удивление у меня вызывает следующий момент. Определяя религию, Белла принципиально избе-

гает словосочетаний типа «вера в сверхъестественное» или «вера в Бога». Понятно, почему это так: ему необходимо, чтобы в числе религий оказались конфуцианство и некоторые другие традиции, в которых «вера в Бога» особой роли не играет. Однако при исключении из определения религии понятия о трансцендентном, священном и т. д., характерной чертой, отличающей религию от других явлений культуры, оказывается только то, что «религии отвечают на предельные вопросы» (например, о смысле жизни). Но при таком подходе религиозной может быть названа любая доктрина, затрагивающая Большие Вопросы — например, атеизм Докинза. И действительно, Белла пишет о нем, что «это такой вариант религиозной позиции: предельный смысл жизни заключается в отсутствии смысла»¹⁰. Или, как он говорит в одном своем интервью, «секуляризм, который мы с гордостью поддерживаем в качестве нерелигиозного, на самом деле есть религия, имеющая древние корни... Некое религиозное измерение неустранимо, на мой взгляд; и это относится даже к мистеру Докинзу и мистеру Хитченсу, хотя они никогда этого не признали бы»¹¹.

8. Ibid. P. xiii.

9. Ibid. P. 601.

10. Ibid. P. xiii.

11. <http://blogs.ssrc.org/tif/2009/09/08/rethinking-secularism-and-religion-in-the-global-age/>